Чебурашка

Владимир КУЗИН

Рассказы

Смуглянка

Как же здесь всё заросло. Раньше перед этим озерцом хоть лужайка была.

Тут, что ли? Да, кажется. Только ветки нужно раздвинуть. Вот так… Фу, болото. От той чистой воды, которая здесь была, ничего не осталось. Хотя немудрено, прошло столько времени… Ну-ка, посчитай… Тогда был семьдесят девятый… Больше сорока лет. А ещё помню… Впрочем, такое забыть невозможно. Несмотря на все мои усилия…

И вот уже который раз себя спрашиваю: зачем? По какой такой причине именно сейчас меня сюда потянуло? Может, оттого что где-то в глубине души чувствую приближение финала своей жизни? И что? Решил со своей совестью разобраться? Так нечего тут разбирать. Совершенно очевидно, что я тогда поступил разумно. Я ведь почти не умел плавать. Как и сейчас. Так, по-собачьи, с трудом. Всю жизнь воды боялся. Отец меня с семилетнего возраста на глубину таскал. Говорил, что будет меня поддерживать, а я, мол, должен плыть сам. Но я на его руках визжал как ненормальный. И после нескольких таких попыток он махнул на меня рукой. Никакого, сказал, толку. И всё же к пятнадцати годкам я кое-как научился барахтаться. Помню, метров около двадцати проплывал, а дальше затекала шея. Так и не научился ей работать, голова всё время над водой торчала…

Что я мог сделать в то утро? Допустим, кое-как доплыть до той тонущей девчонки. А дальше? Одной рукой ухватить её, а второй грести? – Не смешите. Пройти по той доске, что была перекинута с одного берега на другой и с которой эта глупышка, видимо, свалилась? – Предположим, я бы смог, и, присев, схватил бы её за руку. И что? Втащить её на такой узкий мостик у меня всё равно бы не получилось, только сам бы плюхнулся в воду… Да и вообще, разве можно было за те мгновения что-то успеть сообразить?.. А почему бы нет?.. Ну-ка вспомни, только честно…

Честно?.. Ну да, в моей голове тогда прежде всего мелькнуло, что ей лет тринадцать-четырнадцать, почти моя одногодка, и что она красавица. Немного загорелый цвет лица и тёмные волосы. «Смуглянка», как я её назвал, вспомнив популярную тогда песню. И что губы у неё пухлые и томные. Для жаркого поцелуя в самый раз. А глаза широкие и лучезарные… Впрочем, понятно, что она их широко раскрыла от ужаса. Крик «Помогите!» был душераздирающим, хоть и недолгим. Я, когда её увидел, сперва быстро вбежал на небольшой холмик неподалёку и огляделся. Вокруг – никого.

«Блин, – подумал, – хоть бы рыбак какой с Клязьмы шёл. Сколько их тут иногда ходит…».

Опять подбежал к озерцу.

– Плыви к берегу! – крикнул.

Она повернула голову и закричала, уже глядя на меня. По моей спине побежали мурашки. Настолько отчаянным был её взгляд.

Я попробовал нагнуть тонкую берёзку. Никак. Огляделся. Остальные деревья вокруг были толще. Быстро подбежал к куче сухих веток, валявшихся неподалёку. Пораскидал их ногой и выбрал самую длинную. Схватил её и, подбежав к берегу, протянул тонущей. Куда там, метра полтора не доставало. Отбросил её в сторону и попробовал сдвинуть доску, которая была мостиком. Схватился за неё и потянул на себя. Ещё раз. Второй конец доски съехал с противоположного берега и плюхнулся в воду. Я попытался подтянуть мостик к девчонке, но он намертво въелся в дно. Все мои попытки оказались тщетны.

«Смуглянка» продолжала барахтаться в мою сторону. Всё так же глядя на меня своими широко раскрытыми глазами. Её мокрые волосы раскинулись по плечам.

– Попробуй к доске! – крикнул я, указав на упавший с одного края мостик. И тут же про себя отметил, что вряд ли она сможет за него ухватиться из воды, он был от неё высоко…

Медлить больше было нельзя. И надеяться не на кого.

Я снял кроссовки и джинсы и ступил в воду. И сразу выпрыгнул назад: вода была жутко ледяной. Слышал как-то от соседей по даче, что на дне этого водоёма били холодные ключи.

Вспомнил, что если хотя бы раз окунуться, холод воды уже чувствуешь не так сильно.

Тут же мелькнула мысль: «Не сведёт ли ногу, когда поплыву».

Попытался себя успокоить: «Бывал же в холодной воде, и ничего…».

Заметил, что где-то в метре от берега дно круто уходило вниз. То есть глубина этой впадины была ого-го…

«Ну давай же… Ничего особенного. Ты же проплывал такое расстояние, и даже больше».

Я шагнул в воду. Потом ещё. Сердце колотилось с бешеной частотой…

Войдя по пояс, я попытался сделать следующий шаг. Но не достал ступнёй дна.

«Всё, дальше пропасть, – мелькнуло в сознании. – Теперь только вплавь…».

Вспомнил, как отталкивался от дна и плыл брасом. Да хоть по-собачьи, какая разница.

Девчонка выныривала всё реже.

«Толчок и вперёд!» – скомандовал я себе. И уже вытянул вперёд руки, готовясь раздвигать ими воду. Как вдруг будто током пронзила мысль: «А ведь если она в меня вцепится, точно утащит за собой на дно. Я даже пикнуть не успею…».

И тут же в моём сознании возникло недавнее награждение меня в качестве победителя областной математической олимпиады. Замелькали горделивые лица моих родителей, завистливые взгляды соперников и улыбки девчонок-одноклассниц. А дальше – золотистое сияние Кубка, который мне вручал первый секретарь обкома. Под всеобщие аплодисменты…

Я стоял в воде неподвижно.

Раздался хриплый крик девчонки.

Я немного присел, чтобы оттолкнуться от дна. Но в следующую секунду прижал подбородок к груди, зажмурил глаза и заткнул ладонями уши.

– Только скорей… – сказал прямо вслух. – Ну, пожалуйста, уходи скорей…

И такая боль ударила в виски, что меня чуть не стошнило…

Не помню, сколько времени так простоял, по пояс в воде…

А когда с ужасом приоткрыл глаза, «смуглянки» на поверхности уже не было.

И вдруг я почувствовал жуткий холод. Сначала в ногах, а потом и во всём теле. Тут же выскочил из воды и лихорадочно стал одеваться. Меня трясло…

– Это чего, – сбоку раздался сиплый голос, – мост повалили, что ли?

Оглядываюсь – мужик с удочками и котелком.

Я попятился.

Тот с любопытством на меня глянул.

– Да, сами видите, – дрожащим голосом говорю, кивая на доску. – Хотел вытащить, но тяжело…

– Ну-ка давай, – рыбак схватил свободный конец моста и потянул его на себя. Я принялся ему помогать.

– Раз, два – взяли! – скомандовал он… – Так. Поднимаем. – Он зашёл в сапогах в воду и поднял доску где-то на полметра от воды. – Теперь толкай!

Второй конец моста уткнулся в грязь на другом берегу.

– Ну, хоть так, – мужик улыбнулся мне. – Спасибо.

И встал на доску.

– Осторожней, – говорю ему в спину. А сам думаю: «Только бы не пошли пузыри… С того места…».

– Я привычный, – смеясь, ответил он. И легко перебежал на другой берег…

«Что я делаю? – мелькнуло в голове. – Надо же рассказать. Этому рыбаку или кому другому…».

И тут же осёкся.

«Чтобы вместо славы Кубка на меня свалилось клеймо труса? Пошла молва и обо мне написали в газетах? А потом каждый встречный на меня пальцем показывал? Доказывай им потом, что я ничего не мог сделать. Утопленнице уже всё равно, а у меня впереди целая жизнь».

И, тяжело дыша, я побрёл по направлению к дому…

Чебурашка

– Командир, тут баба поранена лежить!

– У свідомості?

– Неа, у відключці.

Капитан подошёл и ударил женщину по щеке.

Укро-нацисты действуют по примеру старших братьев по «вере» немецких фашистов (фото из открытых источников)

– Ти подивися, – сержант улыбнулся, – прочумалася.

– Зв'яжи її, щоб не брикалася.

– Зрозумів, – сержант осмотрелся и взял с вешалки ремень. Подошёл к раненой, перевернул её лицом в пол и скрутил ей руки за спиной.

– Сашко! – капитан крикнул в сторону входной двери.

В блиндаж вбежал лейтенант.

– Доглянь за дівкою, – капитан кивнул на раненую. – Перев'яжи її і зроби укол знеболюючого. А то здохне завчасно. – Посмотрел на лейтенанта. – Усёк?

Тот кивнул:

– Перевязать и обезболить.

– А главное?

– М-м… – тот замялся. – Стеречь.

– Вот именно. Государственный язык нужно знать, как «Отче наш…».

– Михайло, – капитан обратился к солдату, стоявшему у двери. – Зв'яжися по рації з Гринею-Хірургом. Треба, щоб його хлопці її забрали. У неї напевно важлива інформація є, а Гриня її говорити змусить. Тільки нехай вони поспішать. Повідом їм координати.

Тот кивнул.

Повернулся к сержанту:

– Ті двоє куди побігли?

– В березняк, – ответил тот, – у напрямку Горлівки.

– Скажи бійцям, щоб все за ними, – и все трое выбежали из блиндажа.

Лейтенант подошёл к раненой, обхватил её и посадил на пол спиной к стене. Затем расстегнул ей куртку и оголил плечо. Вынул из своей походной аптечки шприц и вколол его женщине. После чего наложил на рану пластырь и принялся её забинтовывать.

Она слегка приподняла голову и поморщилась.

– Терпи, – сказал лейтенант. – Хорошо ещё, навылет прошла.

Раненая некоторое время смотрела на него сквозь упавшие на лицо волосы… Затем усмехнулась:

– Вот значит как… А я всё думаю, откуда козлятиной прёт?

– В каком смысле? – лейтенант повернулся к ней спиной и стал укладывать бинт и ампулы в аптечку.

– В прямом. Видать, у тебя на морде Милкины сопли ещё не обсохли…

Он застыл… потом резко обернулся.

– А синяк-то на заднице прошёл? – женщина улыбнулась.

Лейтенант поднял её волосы с лица.

– Ольга? – Он отпрянул. – Это ты?

– А ты, Чебурашка, слепой?

Он сел на табуретку. С минуту оба молчали. Вдалеке слышались раскаты артиллерийских ударов. Да время от времени треск пулемётных очередей…

– Чебурашка, – он усмехнулся. – Ты ещё помнишь моё прозвище.

– Я всё помню, Саша… Я когда впервые увидела твоё круглое лицо и слегка оттопыренные уши, так сразу тебя и назвала – Чебурашка. Думала, ты обидишься, а ты ничего…

– Это на Светкиной даче, что ли?

– Ага. Помнишь, она нас пригласила к себе на свой день рождения… ну, там шампанское, шашлыки и прочее… Да и вообще пожить у неё недельку…

– Да, время тогда мы провели весело.

Оба засмеялись.

– Слушай, а с чего Милка на тебя тогда наехала?

– Сам не могу понять, – он пожал плечами. – Светка попросила нас с Мариком яблоню во дворе посадить. Я подошёл к сараю, нагнулся за лопатой… И вдруг эта коза меня бац рогами под зад. Потом своей мордой в мою щёку ткнулась. Я думал, она мне сейчас ухо откусит.

– Да уж, заорал ты во всё горло. Вскочил, бросился наутёк, а она за тобой… Еле потом со Светкой её оттащили…

– Меня после этого ребята в группе подкалывали. Ну как, спрашивали, первый поцелуй?.. Да ты ещё… Пристала тогда ко мне – снимай да снимай брюки, нужно рану обработать.

– Я переживала… А ты краснел как малолетка…

– Я тебя в первый раз видел…

– Зато какой классный был вечер. Малиновый закат, тишина… А помнишь, как мы плавали с тобой в озере наперегонки?

– Я ещё удивлялся, почему ты всё время выигрываешь!

– Дорогуша, я с третьего класса в бассейне тренировалась…

– Мы с тобой каждое утро в лес ходили…

– Какой там был воздух!.. И туманы… туманы…

– А как ты ложных опят набрала, помнишь? Хорошо, я в грибах разбираюсь.

– Ты мне тогда такой щелбан по лбу отвесил, что у меня неделю синяк не проходил.

– Так дело-то было серьёзное, могла сама отравиться и других отравить.

– Слушай, а помнишь нашего Кроху?

– Бельчонка?

– Да, на сосне в дупле жил. Мы ему с тобой семечки и орешки оставляли…

– Он почти каждое утро нас встречал.

– Однажды у меня даже из руки кусочек хлеба взял…

– Помню… Ты тогда от восторга даже взвизгнула…

– А место наше не забыл?

– У косой берёзы?

Она кивнула.

– Однажды мы с тобой сидели там на берегу и смотрели на уплывающие вдаль облака… О чём-то без умолку болтали… Я поёжилась, и ты снял с себя ветровку и накинул её мне на плечи. А потом впервые меня чмокнул в щёку.

– Веришь, я тогда дрожал как осиновый лист.

– Да я сразу поняла, что ты был нецелованый.

– Зато ты меня так к себе прижала… Я аж обалдел…

– Во сколько же мы с тобой вернулись?

– Где-то полшестого, уже светало… Светка с Мариком почти не спали, волновались за нас. Отругали…

– После мы каждое лето туда ездили. – Она вздохнула. – Хорошая у нас была компашка. ВГИКовцы. Я со Светкой с актёрского, ты с режиссёрского, Марк – будущий сценарист. Все увлечённые, с горячими сердцами.

– А планы какие были… Ты, помнится, грезила Достоевским. Мечтала о роли Сони Мармеладовой. Удивлялась, как в этом персонаже одновременно уживаются и страдание, и жалость; и обида, и прощение. Кстати, Надежда Степановна, педагог по актёрскому мастерству, тебя хвалила. Говорила, что у тебя большое будущее. Да и ребята на твои этюды старались попасть.

– А ты был увлечён Тарковским. Всё таскал меня на его фильмы и пытался мне рассказать о его методе создания на экране сновидений и грёз… Восхищался, с какой силой его образы проникают в сердце. Например, наклоняющийся на фоне солнца могильный крест.

– Это из «Иванова детства»… Мы с Мариком хотели создать нечто подобное, даже сценарий написали…

– Интересно, где сейчас наш многообещающий драматург?

– Марик? В Израиле. Что-то там пытается публиковать. Пишет, что ни фига его замыслы никому не нужны… А твоя подруга? Со своим ангельским голосом.

– Светка поёт в ночном баре. В Норвегии…

– Ясно. Свою любимую Клеопатру так и не заполучила…

– Да какой там… У неё муж на пособии и дочь. Только о бабках и мысли…

– Опять кровь пошла. Ну-ка…

Он подсел к раненой и наложил на повязку дополнительный слой бинта.

Некоторое время оба сидели молча.

– Ты куда после ВГИКа пропал? Говорил, что уедешь ненадолго, а сам… Я тебя ждала…

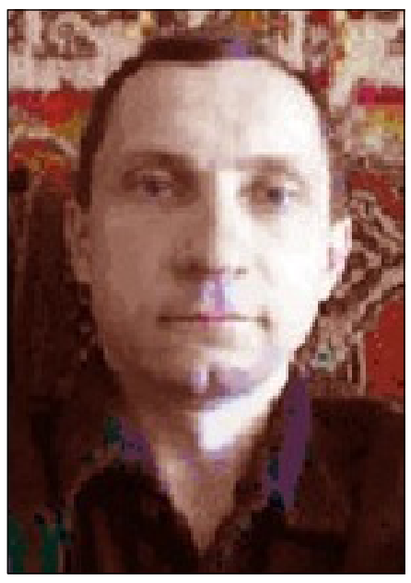
– Мне предложили снимать рекламу в одной частной киностудии. В Киеве. Посулили приличные деньги. Тогда время было тяжёлое, я готов был за любые съёмки взяться. Думал, сначала встану на ноги, а уже после продолжу, как говорил, дело Тарковского. Обязательно буду снимать тебя… Но потом затянуло, ничего другого в перспективе не оказалось… А дальше случился Майдан. Я начал снимать ролики про него… закрутилось, завертелось. Подружился с боевыми хлопцами… Ну, а ты что?

– Я потыкалась туда-сюда, снялась в эпизодах у нескольких режиссёров, но чего-то серьёзного так и не случилось. Всё какую-то пошлятину предлагали. Плюнула на всё и уехала в свой родной Донецк, работала в музыкально-драматическом театре. А когда случился четырнадцатый год, поняла, что сейчас не до сцены. Окончила курсы связистов и теперь занимаюсь отнюдь не актёрством…

Он встал и заходил из угла в угол. Взял со стола чайник, отхлебнул из него, поставил на место.

– Служишь террористам? – Резко к ней подсел. – Ты хоть раз видела, как их ракеты и бомбы убивают наших ребят в окопах?

– А ты хоть раз за восемь лет задумался о том, что ваши снаряды превращали Донбасс в развалины? Когда ты жрал в ресторанах и кувыркался с бабами в постели, ты думал о том, что в этот самый миг эти ваши залпы отрывают ручки и ножки нашим детишкам? Ты знаешь об Аллее Ангелов в Донецке? Это полторы сотни детских могил! У тебя не мелькала мысль, что именно об этом нужно было снимать кино? Если бы люди вовремя узнали правду, может, всё бы сложилось иначе…



– Мы били по городу, захваченному сепаратистами. Это территория Украины; и только Украина вправе решать, что на её земле делать.

– Это в первую очередь земля дончан. Здесь наши дома и могилы наших предков. И на каком языке общаться и какие отмечать праздники, решать должны мы. А не те, кто засел в Киеве. Это не мы к вам пришли, чтобы вам своё навязать. А наоборот, вы к нам. С пушками и танками. Если в семье одного из супругов что-то не устраивает, то всё должно решаться кулаками? Целовать или нет портреты Бандеры? Говорить ли на языке Достоевского и Чехова?

– Ну, Бандера мне до лампочки. Я защищаю свою землю от таких сепаров, как ты, которые хотят оттяпать от неё кусок. И меня в этом не переубедить. Я здесь родился, и это моя Родина.

– Насколько я помню, ты коренной киевлянин. А вот я родилась на Донбассе. И защищаю именно свою Родину. И меня в этом тоже не переубедить.

Он наклонился к её лицу.

– А для москалей это тоже Родина? Или как?

И глаза его блеснули.

– А какой кровный брат не защитит свою сестру от издевательств её бешеного супруга? Или как?

И её глаза блеснули в ответ.

– И что тебе твой брат даст? – Он кивнул на восток. – Идеологию «совка» с её уравниловкой и запретом на собственное мнение? Власть посредственностей, гнобящих неординарные личности и таланты? Как в своё время Тарковского.

– А тебе твои кукловоды? – Она кивнула в сторону запада. – Идеи волчьей конкуренции как норму отношений? Бесконечного кайфа как смысла жизни? Это для того ты натовскую каску на себя напялил?

– Эти, как ты говоришь, кукловоды несут людям свободу и цивилизацию. И мы желаем стать её частью.

– Частью того, где мужик с мужиком, а баба с бабой? Где ежегодно беснуются, нарядившись в чертей и ведьм? А марихуана становится нормой? Тогда флаг тебе в руки. Вот только я не хочу, чтобы моя Родина превращалась в Содом и Гоморру.

– Фанатичка, – он отошёл в сторону и снова сел на табуретку.

Некоторое время оба молчали.

– Чёрт, – он опустил голову, – до чего же всё-таки не туда жизнь пошла, до чего же не туда. Андрей Арсеньевич как-то сказал, что человек рождён, чтобы оставить после себя произведения искусства, а не руины после катастрофы… Похоже, что всё пошло по второму варианту. – Он вздохнул. – Значит, мы с тобой так и не найдём общего языка.

– Не найдём. Отдай меня Грине, и на этом всё.

– Кому?

– Командир твой сказал же, что сейчас за мной приедут от Грини. Ты что, не в курсе, кто это?

– Я не особо понимаю украинский… Наверное, кто-то из СБУ. Скорее всего, попадёшь в обменный фонд. У вас наших пленных тоже много. Обменяют, и вернёшься в свой Донецк.

– Не угадал, Саша. Гриня-Хирург не СБУшник. А из правосеков. И у нас он хорошо известен. Например, тем, что отрезает сначала пальцы, а потом уши. А у женщин, кроме того… Ну, подробности тебе знать необязательно. Но в живых он из своих клиентов не оставляет никого. Боится свидетелей среди наших. И мести…

Он медленно поднялся с табуретки. Несколько мгновений стоял как вкопанный.

– Ты что же молчала? – Его голос задрожал. – Почему сразу мне не сказала?

– А что это для тебя меняет? Я ведь сепар.

Он быстро подошёл к ней, схватил её за подмышки и поставил на ноги.

– Идти можешь? Сейчас доведу тебя до оврага, там внизу будет ручей. Пойдёшь прямо по его течению и к рассвету дойдёшь до своих. Давай развяжу…

Она отпрянула и села на пол.

Он наклонился к ней.

– Что не так?

– Ты глупый? А как ты своим объяснишь, что я, раненая и связанная, от тебя убежала? Они вмиг всё поймут. И тогда к Грине уже повезут тебя!..

– Да я… скажу, живот схватило, понос. Отошёл в лес, а после не смог тебя найти, вон заросли какие…

Она усмехнулась.

– Ты себя слышишь? Кто в эту чушь поверит?

– Зато ты уже будешь далеко.

Она посмотрела ему в глаза.

– Ты, видно, тогда у косой берёзы так ничего и не понял. – Опустила голову и тихо произнесла: – Если с тобой из-за меня что-то случится, я себе этого никогда не прощу.

– И что теперь?

– Я должна остаться…

– Только не это…

Он отошёл к столу. Внезапно обернулся.

– А если откупиться? Скажешь нашим, что за тебя хорошо заплатят. Тогда они тебя не тронут.

– У нас сотни детей и стариков в разрушенных домах живут, без хлеба и воды, а я буду на свою шкуру деньги клянчить?

Он опять подскочил к ней:

– Да речь не о хлебе, а о твоей жизни! – Он тяжело задышал.

Канонада резко усилилась. Пол и стены блиндажа задрожали.

– Русская арта. Сейчас попрут в атаку…– Он опять сел на табуретку. – Чёрт, как всё глупо. Прямо тупик какой-то…

– Почему, – тихо проговорила она, – выход есть.

– Ну… – он с волнением вскинул голову.

Она посмотрела на него странно изменившимся взглядом.

– Расстегни свою кобуру.

– Зачем?

– Это единственное, что ты можешь для меня сделать… Потом застегнёшь на мне куртку, и рану никто не увидит. Да и некогда им разбираться, нужно будет ноги уносить. А ты скажешь, что, мол, кончилась из-за большой потери крови. От этого, – кивнула на простреленное плечо. – Ты понял? – Она посмотрела ему в глаза.

– Спятила? – Он вскочил с места. – Нет, ты явно ненормальная!

– Саша, я видела изуродованные трупы, оставленные правосеками Грини. Медики сказали, что их мутузили как минимум сутки. Если ты желаешь мне такой участи – ну что ж, так тому и быть.

– И ты предлагаешь это сделать мне? – Он дико на неё взглянул.

– А ты желаешь, чтобы это сделал Гриня? Медленно и с расстановками?

Он подскочил к ней и схватился за ремень, которым были связаны её руки, пытаясь развязать узел:

– Сейчас же чтобы духу твоего здесь не было! А я со своими сам разберусь.

Она ударила его головой в грудь. Он отскочил, держась за ушибленное место. Снова кинулся к ней, но она ударом ноги отбросила его к столу. Чайник и кружка с грохотом повалились на пол.

– Я никуда отсюда не уйду! – Она тяжело задышала. – Буду зубами тебя грызть, но не дамся!..

– Что ты делаешь? – Он закрыл руками лицо. – Что же ты со мной делаешь?..

Вдалеке послышался шум мотора. Он вынул из футляра бинокль и выбежал из блиндажа… Через некоторое время вернулся:

– БТР. С красно-чёрными полосками. Где-то в километре отсюда.

– Они.

На её лице выступила испарина.

Он заметался взад-вперёд по блиндажу. Обернулся к ней:

– Умоляю тебя, беги!..

Она замотала головой.

– Тогда встречай гостей, ты сама это выбрала.

– Это и твой выбор тоже.

Он глянул на неё как испуганный младенец.

А она посмотрела на него умоляющим взглядом.

Он внезапно побледнел. Медленно подошёл к ней, вынул из кобуры пистолет и приставил его к её груди.

– Это неправильно… – уставился в пол и забормотал как в бреду. – Вообще всё неправильно. Тебе нужно жить, сниматься. Ты талант.

Она прислонилась спиной к стене.

– У меня в боковом кармане куртки мамин адрес. Черкани ей, когда сможешь. Чтобы больше не ждала. Только без подробностей.

Он заревел.

– Оля, как же так. Ведь ты самый дорогой для меня человек. Мы же с тобой мечтали идти по жизни вместе. Что же мы с тобой натворили?

– Возьми чуть левее…

– Что? – не понял он.

– Дуло немного влево… Вот сюда… Так будет наверняка…

Он продолжал всхлипывать.

– Ну-ну, Чебурашка, смелее. Это нужно нам обоим… И утрись потом…

Его затрясло.

– Не смогу…

– Ого, да ты прямо как тогда, при первом поцелуе…

Он уткнулся в её растрёпанные по плечам волосы.

А она прижалась лбом к его щеке и тихо проговорила:

– Как это было у него в «Сталкере»?

Понапрасну ни зло,
Ни добро не пропало,
Всё горело светло.
Только этого мало.

Он подхватил, и они продолжили вместе:

Жизнь брала под крыло,
Берегла и спасала.
Мне и вправду везло.
Только этого мало…

Он с силой зажмурился и нажал на курок…